

A black and white portrait of an elderly woman with short, curly, light-colored hair. She is looking slightly to the right of the camera with a gentle expression. She is wearing a dark jacket over a light-colored, ribbed scarf. The background is a plain, light color. At the top of the image, there is a solid red horizontal bar.

Изабелла
Фельдман

ЗАПРЕТНЫЕ
МЕМУАРЫ

РАНЕВСКАЯ

В ДОМАШНИХ ТАПОЧКАХ

Самый близкий человек вспоминает

Сокровенные мемуары

Изабелла Аллен-Фельдман

**Раневская в домашних
тапочках. Самый близкий
человек вспоминает**

«Автор»

УДК 792.071(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

Аллен-Фельдман И.

Раневская в домашних тапочках. Самый близкий человек вспоминает / И. Аллен-Фельдман — «Автор», — (Сокровенные мемуары)

ISBN 978-5-9955-0855-7

Эта книга полна неизвестных афоризмов, едких острот и горьких шуток великой актрисы, но кроме того вы увидите здесь совсем другую, непривычную Фаину Раневскую – без вечной «клоунской» маски, без ретуши, без грима. Такой ее знал лишь один человек в мире — ее родная сестра. Разлученные еще в юности (после революции Фаина осталась в России, а Белла с родителями уехала за границу), сестры встретились лишь через 40 лет, когда одинокая овдовевшая Изабелла Фельдман решила вернуться на Родину. И Раневской пришлось задействовать все свои немалые связи (вплоть до всесильной Фурцевой), чтобы сестре-«белоэмигрантке» позволили остаться в СССР. Фаина Георгиевна не только прописала Беллу в своей двухкомнатной квартире, но и преданно заботилась о ней до самой смерти. Не сказать, чтобы сестры жили «душа в душу», слишком уж они были разными, к тому же «парижанка» Белла, абсолютно несовместимая с советской реальностью, порой дико бесила Раневскую, – но сестра была для Фаины Георгиевны единственным по-настоящему близким, родным человеком. Только с Беллой она могла сбросить привычную маску и быть самой собой... Также книга издавалась под названием «Моя сестра Фаина Раневская. Жизнь, рассказанная ею самой»

УДК 792.071(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

ISBN 978-5-9955-0855-7

© Аллен-Фельдман И.

© Автор

Содержание

Предисловие	7
Я живу здесь, как будто во сне	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Изабелла Фельдман
Раневская в домашних тапочках.
Самый близкий человек вспоминает

Предисловие

Изабелла Георгиевна (Гиршевна) Аллен, в девичестве Фельдман, была родной и единственной сестрой великой актрисы Фаины Георгиевны Раневской. В детстве сестры не дружили, сказывалась разница в возрасте (Изабелла была старше на четыре года) и разное отношение родителей – красивая бойкая Изабелла была всеобщей любимицей, а нелюдимая, застенчивая и не блещущая красотой Фаина считалась «гадким утенком».

Родной дом они покинули почти одновременно – Изабелла вышла замуж за состоятельного коммерсанта и уехала с мужем во Францию, а Фаина, с детства мечтавшая стать актрисой, отправилась в Москву претворять свою мечту в жизнь. Мечта претворяться не спешила, путь на сцену оказался тернистым, до признания было еще очень далеко... Вскоре наступил 1917 год, одна за другой случились две революции. Родители и брат Фаины эмигрировали, опасаясь преследования со стороны большевиков (Фельдман-старший был весьма состоятельным человеком, одним из первых богачей Таганрога), а Фаина осталась в России, на много лет потеряв связь с родными...

Пройдут годы. Изабелла овдовеет и станет тяготиться своим одиночеством. Однажды она напишет сестре и спросит, нельзя ли ей переехать в Москву. Добываясь разрешения на приезд сестры (в те времена просто так взять и приехать было нельзя), Раневская обратится к всемогущей Екатерине Фурцевой, члену Президиума ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС и министру культуры СССР. Фурцева поможет, Изабелле разрешат приехать в Советский Союз, и сестры станут жить вместе в доме на Котельнической набережной. Роли поменяются, теперь «старшей» становится Фаина.

Сестрам было тяжело заново привыкать друг к другу и нащупывать невидимые нити, протянутые между ними. Совместная жизнь сестер была недолгой – не прошло и трех лет, как Изабелла умерла. Раневская тяжело переживала смерть сестры. Она знала о том, что Изабелла вела дневник, но неизвестно, заглядывала ли она в него. Незадолго до смерти Изабелла отдала дневник (к тому времени она уже перестала его вести) мужчине, который был влюблен в нее еще с дореволюционной поры и к которому сама она тоже была равнодушна. Они случайно встретились в Москве в 1961 году – бывают же на свете чудеса! – и былые чувства вспыхнули с новой силой. Друг Изабеллы, упоминаемый в дневнике под именем Nicolas, хранил дневник до своей смерти, потом он долго лежал на антресолях у его дочери, которая сохранила бумаги отца как память о нем, но вряд ли в них заглядывала. Только внук Nicolas-а, пожелавший сохранить свое имя и имя деда в тайне, разбирая коробку с дедовским архивом, понял, какое сокровище попало к нему в руки, и счел себя не вправе утаивать его от других.

Дневники, какими бы они ни были, всегда ценны своей искренностью. Ценность этого дневника особая. При всей своей общительности и кажущейся открытости Фаина Георгиевна Раневская была очень замкнутым, закрытым человеком, старательно оберегавшим свое *privacy* от посторонних глаз. Дневник Изабеллы Аллен – это уникальная возможность взглянуть на Раневскую «изнутри», глазами самого близкого ей в то время человека – ее родной сестры. И не только на саму Раневскую, но и на ее окружение.

Дневник публикуется без каких-либо изменений и сокращений.

Редакция выражает признательность А.Л. К-ну за предоставленную возможность публикации дневника.

Я живу здесь, как будто во сне

Дневник Изабеллы Георгиевны Аллен (Изабеллы Гиршевы Фельдман)

11.12.1960

Я не вела дневников со времен девичества. Последний сожгла, кажется, в 1908 году. Тогда так было принято – заполнить последнюю страницу, перечитать, всплакнуть раз-другой и сжечь, чтобы никто никогда не смог бы узнать твои сердечные тайны. В романах, которыми мы тогда зачитывались, непременно присутствовали шантажисты, заполучившие в свои руки или какое-нибудь излишне откровенное письмо, или дневник, или же завещание. С первым же прочитанным романом мы усваивали, что мужчинам никогда нельзя говорить о своих чувствах прямо, потому что это вульгарно, и что никаких письменных свидетельств, могущих дать повод для шантажа, хранить нельзя. Иначе спустя двадцать лет к уважаемой в обществе даме, примерной жене и не менее примерной матери вдруг явится незнакомец в потрепанном, лоснящемся на локтях и коленях костюме (то была униформа шантажистов из романов) и зачитает наизусть выдержки из дневника. О том зачитает, как она признавалась в любви к адвокату Шульману или же млела при виде ротмистра Качаровского... Сколько лет прошло, а я помню все имена своей юности! Лиц не помню, а имена засели в памяти навсегда.

Наш строгий папа одобрял ведение дневников, считая, что это занятие дисциплинирует. «Пиши каждый день, кроме субботнего, – поучал он, – и если в конце дня тебе нечего написать, то задумайся о том, правильно ли ты живешь». Разве был у меня тогда хоть один день, про который нечего было написать? Даже если болеешь и весь день лежишь в постели, то столько можно навдумывать, что рука устанет записывать.

Я не впала в детство, хотя, если уж говорить начистоту (а зачем лукавить наедине с собой?), то я была бы не прочь вернуться в то чудесное время... Увы, это невозможно. По прошествии стольких лет мне захотелось вести дневник совсем по другой причине. Тогда я выплескивала в дневник избыток переполнявших меня чувств, теперь же дневник должен скрасить мое одиночество. Да – я одинока, я очень одинока, несмотря на то, что живу вместе с родной сестрой, которая меня, кажется, любит. Я тоже ее люблю – родная кровь. Иногда она так похожа на маму, особенно вполоборота, что сердце замирает. Мы с сестрой любим друг друга, но это еще не делает нас близкими людьми. «Не в крови свойство, а в душах», – говорил наш папа, когда как снег на голову сваливался очередной бедный дальний родственник из Смиловичей, Цитвян или Шклова. Мне очень одиноко. Сестра рядом, но на самом деле она далеко. У нее своя жизнь, в которой мне нет места. Комнату она мне выделила, а вот место в своем сердце – забыла. Или там уже нет свободного места, не знаю. Совсем не такой представляла я себе свою жизнь в Москве. И Москву я представляла совсем иначе. Жизнь не раз переносила меня с одного места на другое – Таганрог, Бухарест, Париж, Марсель, Касабланка, Стамбул... Но повсюду я очень быстро осваивалась, легко заводила знакомства, чувствовала себя почти как дома. Повсюду, но не здесь. Москва – странный город, я живу здесь, как будто во сне. Хочется поговорить по душам, но не с кем. Вот и решила вести дневник...

Вчера у нас были гости. Сестра любит устраивать приемы. Хлопочет, совсем как мама, и так же, как она, бесконечно выговаривает прислуге. Должна сказать, что такой невоспитанной прислуги, как здесь, мне нигде не доводилось видеть, а уж я повидала многое. На одно слово сестры ее приходящая служанка отвечает тремя, а уж «не нравится, так делайте сами!» вылетает из ее накрашенного рта каждые пять минут. И сестра еще заявляет, что эта ее «девушка» «настоящий клад», потому что не воровка и не сплетница. Как тут не вспомнить моего покой-

ного мужа! Когда я жаловалась ему на марроканцев и говорила, что худших слуг нет на свете, он улыбался и отвечал: «И лучшее, и худшее есть всегда – так уж устроил Бог». Это откуда-то из Гемары, кажется.

Из пяти дам, пришедших вчера вечером, задавала тон вульгарная громогласная особа в платье ужасного оттенка фиолетового цвета. Представилась она Таней, так и сказала: «просто Таня, без церемоний». Она забросала меня вопросами о Париже, не столько интересуясь городом, сколько желая обнаружить свое с ним знакомство, а затем стала рассказывать про то, как она фотографировала какого-то писателя, Бабена или Баделя, я так толком и не расслышала. Рассказывала она для меня, потому что все остальные во время ее рассказа откровенно скучали. Должно быть, слышали его уже не раз.

– Бадэн? – переспросила я, вспомнив автора биографии знаменитого корсара Жана Бара. – Разве он еще жив?

На меня посмотрели как на сумасшедшую, а сестра повертела пальцем у виска. При желании она может быть удивительно бесцеремонной. Оказалось, что это совсем другой писатель, который воевал на стороне красных, и красные его за это потом расстреляли. Уточнять обстоятельства я не стала, потому что сестра предупреждала меня не один раз, чтобы я не смела разговаривать о политике. «Ди фис золн дир динен нор аф рематес¹, Белла! – повторяла она. – Ты не заметишь, как скажешь что-то такое, за что нас обеих посадят в тюрьму, поэтому держи язык за зубами. Если захочешь сказать о политике, мишигине коп², то говори о погоде». Но то, как на меня смотрели гости, меня покорило, если не сказать – оскорбило. Разве их Бабен – Мопассан или Пушкин, что так стыдно его не знать. А сами не читали *Pauline Réage*, даже сестра не имеет о ней понятия. Я попыталась ей рассказать, но она меня высмеяла.

Ладно, с этого Бабенбаделя и его замечательной фотографии разговор наконец-то перешел на другие темы, и я получила передышку. Но ненадолго, потому что Таня вспомнила о том, что когда-то заканчивала консерваторию, сестра сказала, что ей всегда нравилось слушать, как я играю Шопена, с Шопена разговор перешел на наш рояль *August Förster*, а с рояля на эмиграцию нашей семьи. Помня строгий наказ сестры, я молчала и осмелилась заговорить только тогда, когда сестра сказала, что только любовь к русскому театру, лучшему из всех, ее удержала ее в России.

– Помнится, что кроме театра был еще и некий Максимилиан, – сказала я без всякой задней мысли, просто желая оживить разговор.

В моих словах не было ничего обидного или язвительного. С тех пор прошло сорок с лишним лет – можно и приоткрыть завесу. Тем более что Максимилиан, если судить по тому, что о нем писала мне тогда сестра, был приличным, достойным человеком, сыном статского советника, члена окружного суда. Сестра даже упоминала, что наши отцы были знакомы, а уж второго такого разборчивого в знакомствах человека, как наш отец, надо было еще поискать. Я думала, что сестра сейчас вздохнет, затем улыбнется и погрозит мне пальцем – не выдавай, мол, моих сердечных тайн. Обычная светская беседа. Что поделать – если оба присутствующих за столом кавалера заняты только водкой и закуской, дамам приходится самим оживлять разговор. Но сестра грубо цыкнула на меня, точь-в-точь как наша кухарка Фейга-Лея цыкала на кошек, путавшихся у нее под ногами, и сказала снисходительно:

– Беллочка такая выдумщица! Выдумает – и сама же в свое вранье поверит.

Я закусила губу, чтобы не расплакаться, сослалась на головную боль и ушла к себе. Попробовала читать Диккенса – утешителя оскорбленных, но буквы прыгали у меня перед глазами. Проводив гостей, сестра пришла ко мне мириться. При всех своих недостатках она отходчива, этого у нее не отнять. Мы помирились, прослезились, выпили мировую. Я пригу-

¹ Чтоб ноги твои были пригодны только для ревматизма (*идши*).

² Дурная голова (*идши*).

била отвратительной кислятины, которую здесь называют вином, а сестра осушила почти полный фужер водки. Я так и не поняла, в чем состояла моя оплошность, и рискнула задать вопрос.

– Максимилиан? – сестра нахмурилась и строго посмотрела на меня. – Где он, Максимилиан? Зачем вспоминать этого засранца? Чтобы все сказали – Раневская осталась не на родине, а на бобах? У меня есть только один любовник – театр! Я никогда не изменю ему, а он мне.

Потом мы долго сидели молча и смотрели, как крупными хлопьями падает за окном снег. Теперь в обществе стану говорить только о погоде.

14.12.1960

Повсюду огромные очереди. Если в магазине нет очередей, то, значит, в нем нечего покупать. Очереди не только за едой, но и за вещами, даже за дорогими – за коврами, за радиолами, за телевизорами, за драгоценностями. Сестра сказала, что за мебелью и автомобилями тоже очереди. По тону ее я поняла, что она меня не разыгрывает, а говорит правду.

– Значит, люди действительно живут хорошо, если многие могут позволить себе дорогие покупки, – порадовалась я.

Мне крайне необходимо радоваться, поддерживать в себе бодрость духа, потому что мои ожидания отличаются от увиденного, как Фонтенбло³ отличается от Бельвиля⁴. Но Рубикон перейден, и пути назад нет. Мои мосты сожжены, позади остались только воспоминания. Свой век мне придется доживать в Москве, так лучше я буду стараться видеть как можно больше хорошего и не обращать внимания на плохое. Вот, например, две немолодые женщины могут спокойно, не боясь быть ограбленными, гулять по Москве ночью. И не только по центральным улицам, но и по тихим уютным переулкам. Гулять ночью по Риволи в обществе сестры я бы не решилась ни за что на свете.

– Деньги есть – а купить на них нечего, – возразила мне сестра. – Да реформа вдобавок. Вот люди и считают все, что только можно.

Про реформу мне уже говорили – будут новые деньги, один к десяти. Так удобнее. Непонятно, зачем из-за этого скупать все подряд. Сестра смеется и говорит, что пока я не «хлебну дерьма», то не поумнею. Меня очень коробит ее манера выражаться, но я не обижаюсь, потому что все понимаю. Если очень долго носить маску «простого человека из народа», то рано или поздно маска прирастет к лицу. Сестра рассказывала, как умение виртуозно материться дважды спасло ей жизнь во время гражданской войны, когда какие-то революционные солдаты (или матросы – я так и не поняла, что матросы делали на железнодорожных вокзалах) заподозрили в ней «буржуйку» и хотели не то арестовать, не то расстрелять, не то арестовать и потом сразу же расстрелять. Но, услышав мат, от которого краснели не только люди, но и лошади, солдаты отстали от сестры, поскольку не могли предположить, что кто-то, кроме потомственного пролетария, мог так браниться. А ведь когда-то Фанечка была такой застенчивой... Вспоминаю – и как будто это не она.

Цены здесь странные. Я – дочь коммерсанта, и любовь к подсчетам у меня в крови, хоть я никогда и не вела собственного дела. Хлеб и коньяк дешевы. Коньяк довольно хорош, в отличие от вина, и стоит всего лишь в два раза дороже водки. Качество мяса оставляет желать лучшего, даже на рынке продавец таращит глаза в ответ на просьбу отрезать немного филе-миньон. Здесь различают два сорта мяса – с косточкой и без. Все, что без косточки, смело называется «вырезкой». В ответ на мое недоумение сестра рассказала мне о том, что ей пришлось есть во время войны, когда она уехала в Ташкент, подальше от театра военных действий. Бедная

³ Фонтенбло – дворец эпохи Ренессанса во французском департаменте Сена и Марна и одноименный город по соседству с дворцом.

⁴ Бельвиль – квартал Парижа, заселенный преимущественно иммигрантами и имеющий плохую репутацию.

Фанечка, сколько же всего ей пришлось вынести! Ни один мужчина, ни один театр, никакая слава не заслуживает таких жертв.

Слава у сестры колоссальная. Ей нельзя и двух шагов ступить без того, чтобы ее не узнали. Здешние люди довольно бесцеремонны – не просто глазают, а подходят и начинают разговор. Знакомятся, рассказывают о себе, приглашают в гости, порой весьма настойчиво. Один восторженный поклонник подарил нам огромную копченую рыбину и оказался настолько любезен, что донес ее до квартиры. Сестра пригласила его зайти, но он смутился и отказался наотрез. Попросил только фотографию с дарственной надписью на память. За неимением свободной фотографии сестра расписалась на афишке.

– Один росчерк за полпуда рыбы – это хороший гешефт! – смеялась потом сестра. – Напрасно папа называл меня бестолковой!

Я позволила себе заметить, что Ава Гарднер или Рита Хейворт никогда бы не приняли от незнакомца столь прозаический подарок и не стали бы приглашать его к себе домой. Сестра обиделась, обругала меня, и весь вечер мы провели порознь, в своих «кельях». Если говорить о размерах, то мы живем в настоящих кельях – тесных и неудобных. Но это еще не худший вариант. «Две комнаты в одни руки у нас давать не положено», – говорит сестра. Ее прислуга живет вместе с мужем, свекровью и двумя довольно взрослыми детьми в такой комнате, как моя. А в других комнатах их квартиры живут совершенно посторонние люди. На мой вопрос: «Где же вы все спите?» – несчастная женщина ответила как ни в чем не бывало:

– Бабка на своей кровати, мы с мужем на диване, а сыновья – на столе.

А вот подруга сестры, известная балерина, живет одна в пяти комнатах. Как говорит сестра: «По ординам и метры». Квартиры и дома здесь принято измерять не в комнатах, а в метрах. Это называется чудовищным словом «метраж». Пытаюсь подсчитать, пусть даже и примерно, какой метраж был у нашего таганрогского дома, и все время сбиваюсь. Одно помню уверенно – комната, в которой жили кухарка Фейге-Лея со своим мужем Моше-Хаимом, была больше моей комнаты. Или так мне тогда казалось? Сестра говорила, что наш дом уцелел. Вот бы съездить, посмотреть. Хочу и боюсь.

15.12.1960

Во время разговора сестра может вдруг выдержать долгую паузу, а затем заговорить совсем о другом. Вот сегодня, оборвав на середине рассказ о своей первой съемке в кино, она сказала:

– Художественный театр вырождается! Актеры плесневеют и зарастают мхом. Это уже не театр, а консерватория.

Я не всегда могу уловить ход мыслей сестры. Недоговаривать или пропускать объяснения, эта привычка у нее с детства. Но если не спросить, то она не объяснит.

– Почему – консерватория?

Кто знает, может, здесь решили превратить все театры в консерватории? Нехватка музыкантов?

– Это – театральные консервы, – говорит сестра. – Они сидят в своем театре, как в консервной банке, и не замечают того, во что превратились. Видел бы это Станиславский!

16.12.1960

Говорили с сестрой о том, как тяжело подчас бывает принимать решения, как велик страх сделать ошибку, «повернуть свою жизнь совсем не в ту сторону», как говорил наш отец. Но иногда жизнь сама поворачивается так, что только диву даешься. Наш отец всегда знал, как надо поступать, он всегда поступал правильно и славился своим умом и здравым смыслом не

только в Таганроге, но и в Киеве, и в Ростове, и в Варшаве... И что? Он мог как-то повлиять на революцию? Никак. Сестра утверждает, что поступать надо так, как велит сердце, а не разум. Сердце лучше чувствует, как надо поступить, оно видит то, что неподвластно уму.

– Чем больше прикидываешь, тем скорее просчитаешься, – говорит сестра. – Я обычно не рассуждаю, а прислушаюсь к себе и решаю. Главное, чтобы никто не мешал прислушиваться. Жизнь не коммерция, чтобы строить ее по расчету. Вот одна моя подруга очень хотела стать знаменитой, но уже в молодости поняла, что особых талантов у нее нет. Это ее огорчило, но не сильно. У женщины всегда есть возможность возвыситься через мужа. Недаром же говорится, что половина святости, заработанной мужем, достается его жене. Она начала строить свою жизнь на голом расчете. Первого жениха, молодого поручика, у которого не было ни состояния, ни перспектив, она уступила старшей сестре. Себе, уже после революции, нашла другого офицера – красного (она уже тогда понимала, кто победит), более перспективного, да еще и со связями в богемных кругах. Как только представилась возможность, сменила его на генерала. Тогда он был чем-то вроде полковника и назывался комбригом или как-то еще, но как только вернули генералов, он стал генералом. Но она этого не дождалась – скучно ей стало. Красная Армия была куда больше царской, высоких чинов там было пруд пруди, и в положении жены комбрига никакого удовольствия не было. Тот цимес был совсем несладким. Но всегда же можно все исправить, было бы желание. А желание было, и она сделала ставку на довольно известного писателя, который был еще и драматургом. Ольга Книппер в свое время поступила точно так же и не прогадала. Но что вышло у Якова, не выйдет у всякого. Она просчиталась – писатель, за которого она вышла замуж, попал в опалу и до самой смерти так и не выбрался из нее. Гениального романа не опубликовал, гениальную пьесу его в Художественном не поставили... Крах, фиаско. Он хорошо понимал, что был лошадей, не оправдавшей ставки, сильно переживал это, а незадолго до смерти передал свою жену другому писателю, поудачливее...

– Как это – передал? – ужасаюсь я.

– Ну, «передалась» она сама, – сестра усмехнулась, выказывая неодобрение. – А он, понимая, что дни его сочтены, одобрил и благословил. Но там все закончилось не браком, а романом, который кипел так же бурно, как должен кипеть хороший бульон. Потом и его не стало, и она теперь у разбитого корыта. Один раз сказала мне: «Зря я ушла от второго мужа, он так любил меня, долго не отпускал, и я его, кажется, любила. Но жизнь с ним казалась такой скучной».

Сестра некоторое время молчит, а потом вздыхает и говорит мне с улыбкой:

– Как же я люблю скучную жизнь, когда все размеренно, тихо, чинно! Никогда не жила так, наверно, поэтому и люблю.

18.12.1960

Ходили в кино, смотреть комедию «Подкидыш». Сестру узнали, едва мы вошли в фойе. Сеанс начали с опозданием – зрители не спешили идти в зал, окружили нас и восторжались: Раневская! Раневская! Когда мы попытались подойти к кассе, откуда-то выскочил очень галантный мужчина и провел нас в зал без билетов. После сеанса зрители аплодировали так громко, что я всерьез испугалась, как бы не рухнула крыша. Нет, все-таки в этой народной любви что-то есть. Даже мне было очень приятно, а уж как расцвела сестра – не передать. Потом смущенно ворчала, что вот пора бы и привыкнуть, а она все никак не привыкнет.

21.12.1960

Одной сидеть дома скучно. Не всегда читается, а радио я не люблю, тем более здешнее – вроде бы и по-русски говорят, а о чем, понять невозможно. Выхожу гулять. Сегодня решила

потратить время с пользой и зашла в булочную, чтобы купить свежего хлеба. Соблазнилась «городскими», так было написано на ценнике, булками по семьдесят копеек за штуку. Купила четыре штуки. Уже дома поняла, что дала девушке за прилавком пять рублей, а сдачу получила, как с трех – двадцать копеек. Расстроилась. Неприятно, когда тебя обманывают. Я – человек, не привычный к советским купюрам, но ведь девушка видела, что я дала ей пять рублей. Она-то привычная. Ругаться не пошла, знала, что еще больше расстроюсь. Дело не в сумме, сумма-то небольшая, а в обиде. Сестра пришла поздно, сразу заметила, что я расстроена, и пристала с расспросами. Пришлось ей все рассказать, иначе бы она не отстала. Сестра смеялась так заразительно, что мне тоже стало весело. Я вспомнила приказчика Ванечку из чайного магазина на Петровской в Таганроге, который считал: «Две осьмушки, да полфунта, да еще чайка на три золотника, вот и вышло с вашей милости два с половиной фунта». Сестра рассказала, что Ванечка стал писателем, пишет для детей и, кажется, неплохо. Поистине, наш Таганрог – колыбель талантов!

22.12.1960

Пока я спала, сестра успела спуститься в булочную и устроить скандал директору. Проснулась я от настойчивого звонка в дверь. Открываю, а на пороге стоят сестра и незнакомый мужчина лет сорока, лысый, толстощекий, в пальто, накинутом на белый халат. Оказалось, что это директор булочной, который пришел принести мне извинения, чтобы сестра не писала на него жалобу. Сестра намеренно не стала открывать дверь своим ключом, чтобы гость не застал меня в неглиже. Так я хотя бы халат накинула, прежде чем открыть дверь. Директор булочной не пошел дальше прихожей. Он пространно просил прощения, заверил меня, что ничего такого больше не повторится, и пообещал уволить обманщицу. Мне показалось, что увольнение – это чересчур, достаточно, если она пообещает впредь так не поступать. Директор стал убеждать меня в том, что только строгостью можно поддерживать порядок. Говорили мы громко, и шум голосов привлек внимание соседей. Раздался стук в дверь, что-то спросили. Сестра открыла дверь и сказала:

– Все нормально, мы в кои-то веки привели к себе мужчину и решаем, кто будет первой, а кто второй.

Я была готова провалиться со стыда сквозь землю. Директор покраснел еще больше, пробурчал что-то и ушел. Примечательно, что два рубля он нам так и не вернул. Сестра сказала, что ее обсчитывают постоянно (это у нас, наверное, фамильное), но она никогда не скандалит, потому что стесняется шуметь из-за каких-то копеек. Но, когда обидели меня, она рассердилась и решила, что так этого не оставит. Я теперь буду ходить в какую-нибудь другую булочную, в этой мне появляться неловко. Странно и неудобно, что здесь нельзя делать покупки по телефону или же договориться, чтобы из булочной ежедневно по утрам доставляли свежий хлеб так же, как приносят газеты.

25.12.1960

Здесь не принято праздновать Рождество, которое считается буржуазным праздником. Празднуют только наступление нового года. У нас дома всегда ставили елку на Рождество. Находились ревнителю, упрекавшие в том нашего отца. Он улыбался и отвечал, что Бог заповедовал людям радоваться и от лишнего праздника никакого худа никому не будет. Отец был умным человеком, из тех, про кого говорят *er hat großzügige Ansichten*⁵. Он так переживал, что

⁵ У него широкие взгляды (нем.).

сестра не захотела уезжать с ними. Винил в том себя, однажды сказал, что надо было нанять троих молодцев, чтобы они схватили сестру и силой привели на пароход. Не уверена, что столь крайние меры оказались бы действенными. Сестра прыгнула бы с парохода в море или же вернулась бы обратно из Констанцы. Характер у нее отцовский, фельдмановский, это я пошла в мать, а братья – ни в мать, ни в отца, серединка на половинку. Возразить отцу они могли, а настоять на своем духу не хватало.

В четверг у нас событие – мы приглашены в Большой театр на балет. Танцует та самая балерина, наша соседка, которая дружит с сестрой. В Мариинском театре я была не раз, а вот в Большом побывать не пришлось. Если говорить начистоту, то в Москве до отъезда я толком ни разу и не бывала, все проездом – на день, самое большее – на два. Времени только и хватало на то, чтобы Петровский пассаж обойти да к Солодовникову заглянуть.

Ходила вчера по улице Горького, хотела купить подарок сестре. Ничего не нашла. Очередей я боюсь, а без них ничего купить невозможно. Хвалю себя за то, что предусмотрительно припрятала кое-что. Представляю, как обрадуется сестра шелковому шарфику. Любовь к ярким вещам у нее с детства.

У людей радостные лица. Предчувствие праздника витает в воздухе. Новый год мы будем встречать в гостях. Я была бы не прочь встретить его дома, с годами все больше и больше начинаю ценить тихие семейные праздники, но не все зависит от меня одной. Сестра хоть и ворчит постоянно про то, как ей все надоело, но на самом деле одиночества и тишины не выносит. Слишком живой характер. Или это уже издержки профессии – привыкаешь к публике, тянет постоянно быть на людях?

26.12.1960

Здесь совершенно не принято обедать в кафе, все едят дома. Рестораны обычно посещаются вечером, чаще по какому-то торжественному поводу. Сестра говорит, что кафе в Москве почти нет, есть столовые, которые похожи на трактир «Саратов». Думаю, что она преувеличивает. Даже по прошествии стольких лет о «Саратове» невозможно вспоминать без содрогания. Дамы, проезжая мимо этой *cloaque*⁶, спешили поднести к носам надушенные платочки, а мужчины закуривали или попросту зажимали носы. «Саратов»! Вспомнишь его, и ужинать уже не хочется.

27.12.1960

У сестры в театре очередные неприятности. Недавно она получила новую роль в какой-то пьесе из дореволюционной жизни. «Играю очередную блядь», – сказала она в ответ на мой вопрос, но это не столь важно. Важно, что эту роль у нее хотят отнять и передать другой актрисе, которая поступила в труппу совсем недавно. Имени ее я не запомнила. Кажется, сестра его и не называла, употребляла одни лишь нелестные эпитеты. Запомнила только, что она тоже из Таганрога. Интересное совпадение. Сестра очень возмущалась, что соперница, будучи чуть ли не вполонину моложе ее, уже получила звание народной артистки, здешнюю *la plus haute récompense*⁷. «Знаю я, каким местом она народную заработала!» – кричала сестра и хлопала себя по этим самым местам. В самом деле – непонятно. Сестра трижды получала премии от самого Сталина, ее знает вся страна, и при этом она до сих пор официально не считается народной актрисой. Странно. Разделяю ее негодование, оно кажется мне справедливым.

⁶ Клоаки (фр.).

⁷ Высшая награда (фр.).

Не знаю, какими достоинствами обладает ее соперница, раз смогла получить звание народной актрисы в тридцать лет, но в том, что сестра это звание давно заслужила, у меня нет сомнений.

Мир театра и актерства вообще, до недавних пор представлявшийся мне чем-то возвышенным, одухотворенным, после рассказов сестры потерял свой блеск и пр. Увы, везде одно и то же – интриги, происки, склоки. В театр сестры недавно пришел новый режиссер. «Наша новая метла хуже любого топора!» – жаловалась мне сестра. Не понимаю, почему при своей невероятной славе и благоволении власть имущих, сестра занята всего в трех спектаклях, причем в далеко не главных ролях. Сестра объясняет это двумя причинами – интригами и антисемитизмом, который, не будучи официально провозглашенным, тем не менее присутствует, по ее выражению, «на всех уровнях». Не могу судить обо всех этих уровнях, но я, прожив здесь совсем немного, уже дважды успела услышать в свой адрес выпады подобного характера.

Сдается мне, что существует и третья причина, превосходящая две другие, – это характер моей сестры. Она, как роза, которой можно любоваться только на расстоянии. Стоит дотронуться – и сразу же уколешься. Не могу верно судить за глаза, но вряд ли следует называть режиссера «Прокрустом от искусства» и заявлять, что он не стоит даже плевка Станиславского и что у него творческий климакс. Надо вести себя дипломатичнее, особенно с теми, от кого зависишь. Дипломатичности сестре от отца совсем не досталось, а то бы она уже была трижды народной актрисой. Сестра жалеет о том, что ушла из прежнего своего театра. Хочет вернуться, говорит, что Ирина зовет ее туда, но очень сложно возвращаться обратно. Догадываюсь, что сестра перед уходом могла громко хлопнуть дверью, она это умеет.

29.12.1960

Были в Большом театре. Нынче принято говорить просто – «в Большом», опуская слово «театр». Сидели в партере, вся сцена как на ладони. Смотрели ту самую «Шопениану», которую я когда-то видела в Мариинском театре. Восторг! Музыка, танец – все восторг! Сестра под занавес прослезилась. Сказала, что чувствует, что это было прощание со сценой ее подруги. Я в шутку порадовалась за сестру (и не в шутку тоже), сказала, что театральным актрисам, в отличие от балерин, можно долго оставаться на сцене. Сестра почему-то почувствовала себя оскорбленной, и всю обратную дорогу мы ехали молча. А мне так хотелось поделиться с ней своими впечатлениями! Сейчас она рассказывает кому-то по телефону о том, как божественно танцевала ее подруга, а я сижу в своей комнате и жду, когда она закончит разговор, чтобы объясниться с ней и поблагодарить за доставленное мне удовольствие. Только сейчас, пока дописывала предыдущую фразу, поняла, что и в самом деле сказала бестактность. Вышло так, словно я намекаю на то, что сестре пора оставить сцену. Ни о чем таком я не думала, но слова мои могли быть поняты именно так. Увы, мы обе уже немолоды, а не мне ли знать, как болезненно воспринимаются даже намеки на возраст. Следом за бестактностью я совершила глупость. Следовало попросить прощения прямо там, в зале. Тогда бы и настроение у нас обеих сейчас было другим.

31.12.1960

Телефон звонит непрерывно, сестра от него не отходит. В паузах между звонками звонит сама. Говорит одним и тем же приветливым голосом, но по выражению лица я сразу догадываюсь об отношении к человеку. С Норочкой, Леночкой и Ниночкой разговаривала с улыбкой, слушая поздравления Михаила Михайловича и Ларисы Ароновны, морщилась, а после незнакомого мне Бориса Ивановича плюнула на пол, растерла ногой и выругалась. Я хотела посоветоваться по поводу того, что мне лучше надеть, но в ответ услышала: «В нашем возрасте, милая Белла, не молодит ни одежда, ни ее отсутствие. Надевай что хочешь, кроме Нюркиного

фартука, у нее привычка в него сморкаться». Нюра – это приходящая прислуга. Сестра хотела подарить ей духи (фиалковые, отдаленно напоминающие *Magie*), но Нюра сказала, что лучше дать ей денег, потому что духи все равно выпьет муж. Сестра рассмеялась и добавила к подарку какую-то сумму, судя по выражению Нюриного лица – весьма значительную. Отношение к деньгам у сестры разнится в зависимости от настроения – то она швыряется ими в полном смысле этого слова, то ворчит по поводу лишней потраченной копейки. С нетерпением жду, когда начну получать пенсию. Меня никто не попрекает, да и не за что меня попрекать, но, имея постоянный собственный доход, пусть даже и небольшой, чувствуешь себя увереннее...

Удивительно, что здесь принято поздравлять телеграммами даже тех, с кем живешь в одном городе. Можно же позвонить или явиться лично.

02.01.1961

На людях, в компании знакомых сестры, чувствую себя очень неловко. Знакомясь со мной, некоторые люди называют себя и делают паузу. Они ждут от меня какой-то реакции, ждут, что я их узнаю, скажу, что польщена знакомством и пр. А я не знаю, что им сказать. Даже восхищение выразить не могу, потому что восхищение должно быть адресным. Сестру забавляет не столько мое смущение, сколько смущение тех, кто не получил от меня положенной порции восторгов. «Так им и надо, – смеется она. – Пусть знают, что за границей они никто, нули без палочек и галочек». Очень гордится похвалой американского президента Рузвельта, но больше всего тем, что Сталин сказал какому-то известному актеру: «ты, в отличие от Раневской, все свои роли играешь одинаково».

Во время встречи Нового года запоздавшая гостя приняла меня за сестру. С потрясающей, должна заметить, бесцеремонностью. Всплеснула руками и громко воскликнула: «Фаина, что вы с собой сделали?!» Когда я ответила, что я не Фаина, а ее сестра, то в ответ услышала: «Ну да, вы гораздо моложе». Сестра не стала уточнять, что на самом деле я старше ее. Она окинула мою собеседницу оценивающим взглядом, словно видела ее впервые, и сказала с показным сожалением: «Вы, Тамара, совсем уже ослепли, если меня с сестрой спутали. Ничего не поделать, годы берут свое». Тамара, выглядевшая лет на сорок – сорок пять, покраснела, но ничего не ответила. Чуть позже сестра отвела меня в сторону и начала рассказывать длинную историю своих отношений с Тамарой. Рассказывала она сбивчиво, к тому же ее то и дело кто-то перебивал, поэтому я ничего не поняла. Запомнила только, что от Тамары лучше держаться подальше, потому что она, как выразилась сестра, «такая змея, которая хуже любой ехидны».

Не перестаю удивляться тому, что здесь принято спрашивать не только, где была куплена та или иная вещь, но и за сколько. «Сугубый моветон», как говорила наша классная. Я не запоминаю цен, но, если меня расспрашивают настойчиво, называю какие-то цифры. Франки с фунтами тут же переводятся в рубли и неизменно следует сравнение с местными ценами. Здесь, как мне кажется, все что-то продают. Даже сестра этим занимается – то помогает кому-то из знакомых сбыть кофточки, то предлагает итальянские чулки, которые какая-то Галочка (по рекомендации сестры – актриса от Бога и золотой человек) посылает ей из Одессы. Но самое удивительное то, что здесь не стесняются или не слишком стесняются просить уступить ту или иную вещь, которую человек уже носит. Моя черная сумочка вызывает у местных женщин чувство, близкое к вожделению. Едва ли не каждая третья интересуется тем, не уступлю ли я ей сумочку за деньги или в обмен на что-то. Одна дама предложила мне живого попугая, которого ее отец обучил разговаривать.

– Он очень способный, – уверяла она, обдавая меня терпким спиртным духом. – Он и ваше имя выучит, Белладонна Григорьевна...

Сама бы выучила для начала. Я не стала обижаться на нее, потому что бедняжка была пьяна настолько, что то и дело норовила свалиться со стула...

Оказывается, что я была неправа, когда не верила рассказам сестры о ее дружбе с Анной Ахматовой, той самой, которая написала «Как соломинкой, пьёшь мою душу». Сначала я удивилась тому, что она еще жива. Мне в юности она представлялась взрослой, многое пережившей женщиной. На самом деле, мы почти сверстницы – каких-то три года разницы. Затем я думала, что сестра преувеличивает, возводя простое знакомство в ранг близкой дружбы. Так часто бывает, когда речь заходит о выдающихся людях. Мой покойный муж в 1928 году был представлен Пуанкаре. Лет через пять это стало считаться «знакомством», а еще позже превратилось в «было время, когда сам Пуанкаре прислушивался к моим советам». Я в таких случаях старалась уйти подальше, чтобы не выдать себя взглядом или улыбкой. Надо уметь прощать людям их мелкие слабости. Что же касается дружбы сестры с Анной, то это правда, сестра нисколько не преувеличивала. Их действительно связывают дружеские отношения, причем (редчайший случай!) в отношениях этих сестра довольствуется подчиненной ролью. Такой она бывает только с Анной и Полиной Леонтьевной.

04.01.1961

Вспоминали Таганрог. Сестра напрочь забыла о том, как устраивала своим куклам чаепития и рауты. А я помню эти церемонии в деталях. Уверена, что режиссерский талант сестры не меньше актерского. Сказала ей об этом и услышала в ответ:

– Я – ударница-многостаночница. И актриса, и режиссер, и гример, и костюмер. Хорошо еще, что билетами торговать не приходится.

«Ударница-многостаночница» – жуткое слово. Русский язык, к сожалению, утрачивает свою красоту. Жировка, бронь, местком, трудодень... Но хуже всего слово «прохоря», услышанное мною недавно. К нам на улице подошел небритый краснолицый мужик в грязном драповом пальто и предложил купить у него «прохоря». Предлагаемый товар находился в мешке, поэтому я не поняла, о чем идет речь, но сестра, не раздумывая, ответила ему грубо, но почти в рифму:

– На хера нам твои прохоря?

И мы пошли дальше. Сестра объяснила, что прохоря – это сапоги. Обещает, что если я буду стараться, то через полгода научусь читать здешние газеты и понимать не только то, что в них написано, но и то, что не написано. Второе якобы важнее первого. Мне в газетах нравятся только фельетоны. Те, что хорошо написаны, напоминают мне Тэффи. Тэффи здесь не издают, считают чуждой. Странно, она ведь во многом сродни Чехову, а Чехова даже в школе изучают, насколько мне известно. Наверное, дело в том, что несчастная Тэффи умерла в эмиграции. Отношение к эмигрантам здесь предвзятое. Даже я это чувствую. Словно я какой-то грех совершила, а не просто переехала из одной страны в другую. Тем более что я покинула Россию задолго до революции. В чем моя вина? В чем вина родителей и брата? В том, что благополучно пережив один арест, отец не стал дожидаться следующего?

06.01.1961

– Зритель меня любит, а на всех остальных плевать я хотела, – сказала за завтраком сестра. – Если я буду стараться нравиться всем, то скоро перестану нравиться самой себе.

Рано утром звонил телефон. Судя по времени звонка и по тону, которым разговаривала сестра, речь шла о чем-то неприятном. Сестра преимущественно слушала, время от времени вставляя короткие замечания, поэтому я не могла догадаться, о чем шел разговор, хоть мне и хотелось проникнуть в его смысл. Стыдно признаваться в таком, но самой себе, наверное, можно признаться – я люблю подслушивать. Схватить на лету немного не предназначавшихся тебе сведений – это так увлекательно! Я так любопытна! Обожаю знать все. В разговоре сестра

дважды упомянула имя Марина, и, насколько я могу судить, замечание «она своей жопой сразу на трех стульях усидеть хочет», тоже относилось к Марине.

– Что-то случилось? – осторожно спросила я.

– Каждому возрасту – свое амплуа! – сказала сестра, игнорируя мой вопрос. – В Джульетты я, положим, не гожусь, но старух играть еще могу. А загrimiруюсь как следует, так и с балкона воздушные поцелуи слать буду! Я, положим, в молодости тоже играла старух! Всех старух у Островского переиграла – Анфису Тихоновну, Глафиру, Манефу... Но ролей никогда ни у кого не отбирала! Играла, потому что некому было играть! А эта фря хочет играть всех, от Джульетты до барыни с двумя лакеями! Мало ей, видите ли, ролей, надо у Раневской отобрать! А это видала?!

Увлечшись, сестра показала мне кукиш, словно я была ее обидчицей.

Как же хорошо, что я не стала актрисой! А ведь мечтала когда-то о сцене, даже леди Ровену в благотворительном спектакле играла...

08.01.1961

Над загадочным поведением одной из лифтерш я ломала голову с момента своего приезда. При встрече я с ней приветливо здоровалась и в ответ получала то неприязненный взгляд и едва заметный кивок, то щедрую улыбку и пожелания «доброго вам здоровьичка». Сначала я думала, что, сама того не замечая, веду себя как-то иначе, и стала строже следить за тоном и выражением лица, но поведение лифтерши продолжало удивлять меня. Ее напарницы вели себя иначе, здоровались хоть и без особого радушия (с чего бы ему взяться?), но неизменно вежливо. Загадку помогла разгадать сестра, точнее, она подсказала мне ответ.

– Трезвая она цербер, а как выпьет рюмку-другую, то сразу добрее.

Я присмотрелась и убедилась, что сестра права. Как я только сама не догадалась?

09.01.1961

За какие грехи мне такое наказание? Не успела привыкнуть к одним деньгам, как надо привыкать к новым. «Перешли с портянок на фантики», – говорит сестра, сравнивая большие старые купюры с маленькими новыми. Новые купюры красивее старых, хотя и не такие красивые, как франки в стиле *art déco*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.